

этом случае возможны меры по ограничению ее численности.

В любом случае требуются дальнейшие дискуссии по этой теме и разработка специальных экоэтических правил и принципов на случай разрешения конфликтов между правами отдельных живых существ и правами экосистемы, как в человеческом обществе разработаны подобные правила на случай разрешения конфликтов между правами человека и правами государства, организаций и т. п.

Другой пример: соблюдение прав особей домашних, сельскохозяйственных животных, или особей диких, находящихся в неволе. Чистый эоцентризм вообще не рассматривает эти вопросы, поэтому здесь нет никаких противоречий между биоцентрическим и эоцентрическим направлениями.

Теперь давайте рассмотрим педагогические вопросы воспитания чувственного отношения к природе в рамках экобиоцентризма. Известно, что человек начинает знакомство с миром природы с отношений эмоционально-чувственных к малому и только затем поднимается на уровень рассудочных и понятийных форм. Трудно пред-

ставить, чтобы ребенок научился уважать сразу в целом вид животного или экосистему, испытывать к ним эмоциональные чувства. Скорее всего он научится сопереживать отдельному животному или растению (в рамках биоцентризма), а затем, постепенно, станет расширять свои моральные представления, включая в него представителей других, менее известных животных, растений, виды и наконец, экосистемы. Такой постепенный подход возможен только в рамках экобиоцентризма, сочетающего биоцентрическое и эоцентрическое направления.

Откровенно говоря, я не верю тем природоохранникам, которые прикрываясь заботой об экосистемах, не обращают внимания на гибель или страдания отдельных животных или растений. Без заботы о малом не может быть заботы о большом.

Литература

- Борейко В.Е. (2004): *Философы дикой природы и природоохраны*. 2-е изд. К.: КЭКЦ. 1-160.
 Леопольд О. (1983): *Календарь песчаного графства*. М.: Мир. 1-248.
 Лоренц К. (1984): *Год серого гуся*. М.: Мир. 1-191.

О концепциях экологической этики

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Попытка найти компромисс между противоборствующими концепциями экологической этики, предпринятая В.Е. Борейко (2004), весьма похвальна. Разумный компромисс лучше бессмысленной ссоры. Вопрос – как его достичь? Как хорошо известно биологам, гибриды обычно бесплодны... Да и призывы к компромиссу со стороны человека, ударившегося в крайний биоцентризм (теория всеобщего равенства) выглядят мало убедительно.

Экологическая этика включает несколько основных концепций. Взаимоотношения

между ними очень наглядно и удобно обрисовал немецкий экофилософ Мартин Горке (Gorke, 1998; Горке, 2002). Схему экологической этики можно представить в виде системы вложенных кругов. С каждым кругом увеличивается объем моральной ответственности человека. Круг наименьшего радиуса – антропоцентризм. Отношение человека к природе рассматривается через призму интересов человека. Этот подход в охране природы выражают хорошо известные нам лозунги: “Все для блага человека, все во имя человека”, “Для нас и потом-

ков” и т. п. Следующий круг расширяет нашу ответственность до способных чувствовать и страдать высших животных – патоцентризм. Ярким представителем этого направления является П. Сингер с его идеей “освобождения животных”, поскольку все сводится к освобождению их от боли и страданий (Сингер, 2002; см. также Грищенко, 2002д). Третий круг – биоцентризм, он включает уже все живые организмы. Наконец, четвертый круг с наибольшей ответственностью человека – экоцентризм (он же холизм или физиоцентризм). Он включает помимо живых организмов также неживую природу и системные целостности надорганизменного уровня – популяции, виды, экосистемы, биосферу в целом.

Не все экофилософы включают антропоцентризм в состав экологической этики, а патоцентризм может рассматриваться как составная часть биоцентрической концепции. Но в целом структуру это не меняет. Возможна и другая крайность – отнесение к экологической этике только экоцентризма, поскольку биоцентризм больше сродни биоэтике.

Нетрудно заметить, что каждый новый круг включает всех моральных агентов предыдущего и добавляет новых. Ни патоцентризм, ни биоцентризм не отрицают моральную ответственность человека за других людей, не сводят всю мораль только к защите представителей иных видов. Они лишь дополняют человеческую мораль, расширяя ее до ответственности за другие живые существа. Подобно этому экоцентризм также включает в себя ответственность за другие живые существа как индивиды (круг биоцентризма), поэтому утверждение В.Е. Борейко (2004), что “экоцентристы ... не распространили моральные отношения на отдельные живые существа” совершенно не состоятельно.

Охрана видов вовсе не обязательно связана с игнорированием прав и ценностей индивидов.

Перейдем от общих слов к конкретным примерам. О. Леопольд (1983) писал: “... этика земли меняет роль человека, превра-

щая его из завоевателя сообщества, составляющего землю, в рядового и равноправного его члена. Это подразумевает уважение к остальным сочленам и уважение ко всему сообществу”.

Б. Гржимек, очень много сделавший для охраны редких видов, боролся с модой на меха из диких животных задолго до того, как появились такие организации как ALF и PETA. Великосветских модниц, щеголяющих в нарядах из мехов диких кошачьих, он “пригвоздил” фразой, надолго всем запомнившейся: “Тигровые шкуры лучше сидят на тиграх, чем на коровах”. Ученый выступал против корриды, называя ее “бесчестным состязанием”. Б. Гржимек первым поднял вопрос об избииении детенышей тюленей – бельков – на лежбищах. Нередко промысловики для ускорения процесса сдирали шкуру с живых зверьков. Снятый в бухте Святого Лаврентия документальный фильм об этом вызвал шок в “приличном” обществе. Канадское правительство в конце концов вынуждено было ввести более строгие правила ведения промысла.

“Я нажил себе немало врагов, – писал Б. Гржимек, – в особенности среди крупных промышленников. То я настойчиво критиковал нерадивое Баварское правительство за то, что оно никак не собирается выделить землю под национальный парк “Баварский лес”, то обижались на меня изготовители знаменитых “супов из черепах”, торговцы лягушиной, заводчики собак, содержавшие наших четвероногих друзей в непотребных условиях, а то и богатые дамочки, опасавшиеся после моих передач появляться на людях в своих леопардовых или тигровых манто; случались даже конфликты с правительствами, например, с итальянским, разрешившим отлов на пролете миллионов европейских певчих птиц и переработку их на деликатесы. Ссорился и с заокеанскими охотниками, прилетавшими “на пару дней” в Африку “пострелять бегемотов и слонов”, а также с фабрикантами, выпускающими кожаные сумки, в частности сумки из крокодиловой кожи, устрой-

телями корриды и целыми рыболовными концернами, отлавливающими рыбную молодь и опустошающими таким образом океан” (цит. по: Банников, Геевская, 1982).

Почитайте книги Дж. Даррелла, спасавшего редкие виды животных, разводя их в зоопарке (для последовательного биоцентриста одно лишь содержание животных в неволе – крамола). Описываемые в них животные – это интересные и неповторимые личности, яркие индивидуальности. Где вы найдете безликих представителей своих видов? Чего стоит одно название книги воспоминаний о детстве – “Моя семья и другие животные” (в английском оригинале, в русских переводах это название часто изменялось на менее эпатажное)? Куда уж больше равной ценности?

К. Лоренц (1998) писал: “Клеточное содержание кур-леггорнов справедливо считается мучительством животных и позором нашей культуры”.

В “Декларации эко-этики” говорится: “Мы будем дорожить личной ценностью и достоинством каждого индивида в контексте экологической системы поддержания жизни с множеством индивидов, каждый из которых имеет потенциальную ценность и значение” (Cairns, 2002).

О каком пренебрежении моральными правами индивидов речь? Экоцентристы их тоже признают, просто увязывают с другими правами и ценностями.

Не могу согласиться я и с “первой ошибкой экоцентристов” – недостаточный учет взглядов классической этики. Все это голословные утверждения, ничем не подкрепленные. В.Е. Борейко придумывает себе оппонента, с которым успешно спорит.

Вот несколько цитат из книги О. Леопольда (1983).

“... перестаньте считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически”.

“У нас пока еще нет этики природы, но мы хотя бы приблизились к признанию

того факта, что птицы должны существовать в силу своего биотического права независимо от того, выгодно это нам экономически или нет <...> И лишь в последние годы мы услышали более честный довод, что хищные животные – это члены сообщества, и ни у кого нет права уничтожать их из-за своекорыстной выгоды, реальной или воображаемой”. Это и к вопросу о непризнании экоцентристами прав природы.

В буклете Международного союза экоэтики говорится: “Основываясь на великих творениях природы, нам необходимо развивать и усиливать новые ценности, такие как: самоограничение, скромность, ответственность, честность; формулировать цели, такие как: мир, свобода, достоинство, справедливость, права человека; содействовать осуществлению идеалов, таких как: добродетель, альтруизм, помощь, любовь. Здесь простирается основа, общая для теологии морали и философии морали”. Рекомендуются для сохранения человека в биосфере формирование “нового поколения людей с убеждениями и навыками в области экологической этики, морали, нравственности” (Поликарпов, 2001).

А что касается того, что “экоцентризм совершенно не интересуется моральными проблемами домашних, сельскохозяйственных и подопытных животных”, то это сфера деятельности биоэтики, зачем все валить все в одну кучу? Кроме того, это не совсем так, см. выше.

Должен вступить и за биоцентристов. Я не понимаю, в чем состоит их “третья ошибка”. В.Е. Борейко пишет, что они “ограничились лишь млекопитающими”. Но даже у П. Сингера (2002) речь идет как минимум и о птицах и других позвоночных. А если говорить о биоцентрической концепции в целом, то рассматривает она все живые организмы.

Конфликт ценностей, из-за которого весь сыр-бор, возникает по той простой причине, что экоцентристы имеют дело со всей существующей в природе вертикалью:

от особей до биосферы в целом. Естественно, возникает иерархия ценностей, поскольку жизнь одного комара не может быть равной жизни на планете в целом, точно так же как жизнь одного оленя – жизни всех оленей вместе взятых. Не все согласны с таким подходом, есть философы, считающие, что собственное “Я” – дороже всего остального мира. Это, конечно, греет душу (того самого “Я” – ах, какой я ценный и значимый!), но совершенно не применимо на практике. В человеческом обществе тоже ведь интересы личности подчинены интересам целостностей надорганизменного уровня – семьи, общества, государства, нации и т. п. В противном случае эти самые семья, общество, государство просто перестанут существовать. Стабильность семьи, например, напрямую зависит от того, насколько супруги могут “притереться” друг к другу, умерить свои запросы. Если же соединятся два непробиваемых эгоиста, считающиеся только со своими интересами, крах неизбежен. “Всеобщая декларация прав человека” звучит красиво, но в реальной жизни многими из этих прав не так просто воспользоваться. Так что принятый в экоцентризме порядок вещей вполне естественен, он взят от самой природы. Природа ведь не считается с индивидуальными правами и ценностями, она разбирается как жизнями индивидов, так и существованием видов и экосистем налево и направо.

Один из теоретиков современного экоцентризма Б. Калликотт писал: “Лично я не особенно восторгаюсь моральной теорией Швейцера – главным образом по той причине, что она ограничивает круг морально значимых объектов индивидуальными сущностями, не беря во внимание объекты коллективной природы: популяции, виды, биоценозы и всю глобальную экосистему в целом. Второй “минус” – ее склонность осуждать и проклинать наиболее фундаментальные процессы эволюционной и экологической биологии, а именно той закономерности, что жизнь одной особи с необходимостью обеспечивается

смертью других. Кстати, сходные мироотрицающие аффективные тона обнаруживаются и в классических доктринах индуизма, джайнизма и буддизма – практически во всех философских системах индийского субконтинента. <...> Экологическая этика, напротив, принимает жизнеутверждающую установку, поскольку ориентирована на интеграцию человека и природы, на гармонизацию их отношений, а не на отрыв этих сущностей друг от друга” (Калликотт, 1990).

Экоцентричной является и “глубинная экология”, хотя В.Е. Борейко (2001) почему-то относил ее к биоцентрическому направлению, а затем переместил к экобиоцентризму, видимо, пытаясь найти авторитетную опору для введенного им термина (Борейко, 2003). С моей точки зрения, все это более чем сомнительно. В платформе “глубинной экологии” (см. Наэсс, Сессинс, 2000) речь нигде не идет об организменном уровне жизни.

Экоцентризм возник на основе экологии, как науки, и природоохранной практики. Неудивительно, поэтому, что его сторонниками являются прежде всего ученые и те, кто занимается практической природоохранной деятельностью. Экоцентризм – это философское обоснование реальной природоохранной науки и практики.

Биоцентризм же, особенно его крайние формы – это чисто кабинетные учения, которые часто невозможно реализовать на практике. “Помимо этически проблематичной и практически невозможной задачи присвоения равного морального принятия во внимание всем и каждому живому существу, – пишет Б. Калликотт, – чистый и крайний биоцентризм имеет малое отношение к природоохранной биологии – которая, опять же, не занимается судьбой экзemplяров, но судьбой видов, экосистем и эволюционных процессов” (Кэлликотт, 1999).

Например, биосферный эгалитаризм – признание за всеми живыми существами равной ценности и равных прав – делает невозможной охрану редких видов и выхо-

лачивает саму идею охраны природы. Суть ее как раз в том, что для спасения наиболее уязвимых или ключевых видов нужны дополнительные усилия, превышающие “средний уровень” любви к природе и уважения ее прав. Необходимы правильный выбор приоритетов и концентрация усилий. С точки зрения охраны редких видов, калифорнийский кондор имеет неизмеримо большую ценность, чем домашний петух, при всем уважении прав последнего.

Идея всеобщего равенства – это вообще чисто человеческое изобретение. В природных сообществах ничего подобного нет (не потому ли биоцентристы призывают игнорировать экологическую науку, чтобы она своими реалиями не портила придуманную ими картину мира). Есть взаимозависимость. И в этой “сети жизни” далеко не все ячейки оказываются равными по значимости. В экологии есть понятие “вид-эдификатор” – это вид, определяющий “лицо” сообщества. Если в дубовом лесу исчезнут волки, олени, синицы, бабочки, это будет обедневший дубовый лес, но по-прежнему дубовый лес. А вот если в нем исчезнут дубы – это уже будет другая экосистема. И далеко не всем обитателям прежней в ней найдется место.

Вот задачка для любителей порассуждать о равной ценности и равных правах. Представьте себе огромный старый дуб среди поля. На нем обитает множество всякой живности – микроорганизмы, грибы, насекомые, в ветвях и в дуплах гнездятся птицы, многие животные питаются желудями. Если этот дуб усохнет или его срубят, то у всех остальных обитателей возникнут проблемы. Не все из них сразу же погибнут, но очень многие. То есть жизнь одного дуба равна жизни сотен и тысяч других существ. Вот такая арифметика. Отмирание кораллов на рифе означает автоматическую гибель значительного числа его обитателей.

С точки зрения теории всеобщего равенства и дуб, и обитающая в его стволе личинка жука имеют равную ценность и равные права, значит охранять мы их должны одинаково. А природоохранная практика (и

элементарная логика) говорит, что нужно сберечь прежде всего дуб, а все связанные с ним организмы (так называемая консорция) сохранятся сами собой.

Нельзя устройство человеческого общества “за здорово живешь” переносить на другой мир (вот уж в пору вспомнить навязший в зубах термин “Совершенно Иное”, оно действительно в этом смысле иное). Конечно, если мы не хотим вместо дикой и свободной природы иметь глобальный хоздвор, в котором человек может устанавливать свои порядки – чтобы среди кур доминанты не очень обижали своих товарок, чтобы кот не таскал цыплят, а коза не лезла в капусту. Поэтому идеи Д. Андреева и ему подобных теоретиков переустройства биосферы не вызывают у меня пикетета, в какой бы красивой и гуманной обертке все не преподносилось (Грищенко, 2001в, 2002г).

Главный “освободитель” животных П. Сингер (2002) пренебрежительно отзываясь об охране редких видов: пусть себе вымирают, главное чтобы это проходило тихо и спокойно, без страданий.

Т. Риган (2004) утверждает, что теория прав животных не равнодушна к усилиям по спасению исчезающих видов, но редких животных нужно охранять “не потому, что эти животные немногочисленны, а потому, что у них равная ценность со всеми обладающими внутренней ценностью, и они разделяют наше право на уважительное обращение. Так как они не являются всего лишь средствами или пополняемыми источниками, то вред, нанесенный им как индивидуалам*, не может быть оправдан с точки зрения коммерческих промышленников, браконьеров и других заинтересованных лиц. Именно это делает коммерческую эксплуатацию исчезающих видов неправильной, а не то, что они ис-

* С переводом английского слова individual как индивидуал в данном контексте нельзя согласиться. Тут должно быть индивид или индивидуум. Индивидуал – это уже “из другой оперы”. Как говорил М. Жванецкий: “Тщательнее надо, ребята”.

чезают”. Это уже смесь невежества и демагогии. Проблемы редких видов ведь не только в коммерческой эксплуатации или браконьерстве. Причины их уязвимости могут быть очень разными. Задача человека как раз и состоит в том, чтобы определить их и помочь уязвимым видам выжить, а не просто не трогать их. Охранять же редкие виды наравне со всеми – это то же самое, что не делать ничего. Помимо всего прочего для спасения одних видов приходится не так уж редко нарушать права и интересы других. Если мы принимаем равную ценность и равные права всех, то такое вмешательство становится неоправданным. Все это напоминает приснопамятный тезис хрущевских времен о том, что охрана природы при социализме не нужна, поскольку она охраняется в самом процессе социалистического хозяйствования. Точно так же охрана природы не нужна радикальным биоцентристам, потому что все проблемы, как они считают, можно решить в процессе соблюдения прав животных.

Более того, оказывается, охрана исчезающих видов приносит ущерб правам животных: *“Если людям будет внушаться мысль о том, что вред, наносимый животным, имеет значение лишь когда эти животные принадлежат к исчезающим видам, тогда эти же люди будут рассматривать вред, наносимый другим животным как морально допустимый. Люди будут считать, что массовый отлов обычных животных не представляет серьезно моральной проблемы, тогда как отлов редких животных – будет”* (Риган, 2004). В.Е. Борейко (2004а), по крайней мере, уже сделал сенсационный вывод о “неэтичности” Красной книги. Правда, в таком случае придется признать неэтичной и “идею дикой природы” (Грищенко, 2004). Если мы говорим о всеобщем равенстве, нет совершенно никакого смысла выделять некую особую часть природы, потому что все обитающие в не дикой природе организмы автоматически оказываются существами второго сорта, и от идеи равенства прав и ценностей остаются одни лишь словесные кружева.

Как считает Х. Ролстон III: *“Индивидуум представляет, или заново представляет вид в каждом последующем поколении. Это опознавательный знак сущности, а сущность более важна, чем ее опознавательный знак. Хотя виды не являются моральными действующими лицами, биологическая индивидуальность – разновидность ценности – защищается здесь. Достоинство содержится в динамической форме; индивидуум наследует это, воплощает это, и проходит через это. Обладание биологической индивидуальностью, генетически заново утвержденной во времени, является таким же характерным для вида, как и для индивидуума. Уважение этой индивидуальности порождает обязанности перед видом”* (Ролстон III, 1999).

Перейдем опять к аналогиям в человеческом обществе. При всем равенстве права на жизнь и равной ценности жизни разных людей с тонущего корабля почему-то принято в первую очередь спасать женщин и детей. Просто они послабее здоровых мужиков и у них меньше шансов спастись самим. Команда и капитан вообще уходят с корабля последними. Они что, люди второго сорта по сравнению с пассажирами?

В странах, которые принято считать цивилизованными, существуют особые социальные программы помощи инвалидам, безработным, сиротам и т. п. Оплачиваются они в конечном итоге из кармана налогоплательщика, то есть материальные интересы одних людей ущемляются в угоду другим. При том, что все граждане этих стран имеют равные права и равную ценность своей жизни. Просто некоторые из них не могут сами себе обеспечить приемлемый ее уровень, им нужна помощь. Точно так же и с охраной исчезающих видов – они нуждаются во внешней помощи, без которой обречены на вымирание. Поскольку в большинстве случаев это происходит по вине человека (а можно сказать, что и во всех – настолько изменен ход естественных процессов), то ему и исправлять свои прегрешения.

Да, права волка и экосистемы каче-

ственно различны. Но для того чтобы могли соблюдаться права волка, должны сначала быть соблюдены права экосистемы, ибо вне ее он выжить просто не сможет (конечно, можно посадить его в клетку и кормить искусственно, но с точки зрения теории прав животных это как раз будет вопиющим их нарушением). Аналогично и у людей: для того чтобы могли соблюдаться права человека, должно сначала существовать государство, которое сможет их обеспечить. В противном случае это все пустые словеса. Поэтому для сохранения государства могут нарушаться права его граждан. И речь не о тоталитарной диктатуре. Ущемления прав хватает в самой что ни есть демократической стране. После террористических атак американцы быстро согласились с расширением полномочий спецслужб, хотя не все из них согласуются с понятиями о демократии и правах человека. Реальная безопасность оказалась дороже абстрактных прав.

В.Е. Борейко, конечно, не мог удержаться от очередного выпада против науки. Я не буду опять пересказывать свою позицию по этому поводу, она многократно изложена в других статьях (Грищенко, 2000, 2001а, 2001б, 2001в, 2001г, 2002а, 2002б, 2002в). Хочу остановиться лишь на одном аспекте. Я согласен с моим коллегой, что не стоит превращать экологию во всеобщее мировоззрение. Экология – это лишь отрасль науки, изучающая взаимоотношения живых организмов между собой и со средой обитания, структуру и функционирование экосистем. Но кто, как не философы, а точнее – философствующие журналисты и природоохранники “размазали” этот термин до неузнаваемости? Произошла подмена понятий – “экология” и “охрана природы”. Появились такие терминологические “шедевры”, как “экология души”, “экологическая теология”, “экологическая социология” и т. д., и т. п. Я понимаю, что такое экология зайца-беляка, а что такое “экология души” – взаимоотношения души с телом и Всевышним? А ведь речь идет всего-то о сохранении нашей духовности. Давайте

начнем с терминологической чистоплотности, потом уже можно будет говорить о мировоззрении.

У эгоцентристов нет “слишком большой надежды на экологию”. Ученые, как никто другой, понимают ограниченность наших знаний. Но без них охрана природы попросту невозможна. А. Эйнштейн, например, говорил: “*Единственное, чему научила меня моя долгая жизнь, что наша наука перед лицом реальности выглядит примитивно и по-детски наивно, – и все же это самое ценное, что у нас есть*” (цит. по: Самарцев и др., 2002).

В.Е. Борейко (2004б) утверждает, что “*опора только на экологию приводит к стандартной надежде на быстрое технологическое решение, то есть устранение следствия, а не причины*”. Интересно, а почему “технологическое решение” не может устранить причину, а не следствие? Таблетка антибиотика (“технологическое решение”) убивает микробов, устраняя причину болезни, следствием которой является высокая температура. Не зная причины этого, можно охлаждаться, забравшись в холодную воду, и подхватить на почве банальной простуды воспаление легких. Знание глубинных взаимосвязей в природе (изучением чего и занимается наука экология) помогает избежать серьезных провалов в природоохранной деятельности. Попытки бороться с явлениями без знания причин и последствий уже не раз приводили к серьезным проблемам – уничтожение хищников для процветания их “несчастных” жертв, “обогащение” фауны и т. п.

Утверждение о том, что между биоцентризмом и эгоцентризмом нет конфликта на почве содержания диких животных в неволе – вообще недоразумение. Здесь противоречия как раз очень сильные, потому что для биоцентриста это нарушение прав животных, а для эгоцентриста – один из способов спасения исчезающих видов. Кроме того, общение людей с животными в нормально обустроенном зоопарке способствует пробуждению в них интереса и уважения к природе, а значит не противоре-

чит целям и задачам охраны природы в целом.

Не существует морали вообще. Есть конкретные этические системы – своеобразные системы координат. В различных системах одни и те же действия могут оцениваться по-разному. Каждый человек выбирает для себя, какой этической системы и какого мировоззрения придерживаться. Любить, уважать, охранять природу можно с разных позиций, но для практической охраны природы наибольшую ценность имеет эоцентрическое мировоззрение. Природа существует в виде экосистем, и сама она – глобальная экосистема. От этого никуда не деться.

И еще одно. Моральный облик борцов за экологическую мораль нередко вызывает, мягко говоря, вопросы. И вопросы эти как раз к биоцентристам (и патоцентристам, если рассматривать их отдельно). Мне, по крайней мере, не приходилось слышать о погромах вегетарианских кафе или магазинов одежды из синтетики эоцентристами, охотниками или другими сторонниками не-биоцентрического видения мира. А вот не в меру пылкие активисты некоторых организаций биоцентристского толка неоднократно совершали налеты на рестораны, магазины, научные лаборатории. Все это ближе к неонацизму, чем к охране природы или экологической этике. Тональность обмена мнениями в дискуссии о любительской охоте, развернутой В.Е. Борейко, также вызывает сожаление. Я понимаю, что в пылу спора могут высказываться и резкие суждения, но нельзя переходить на открытое хамство. В данном случае “перестрелка” была взаимной, но охотники при этом не рассуждали о высокой морали.

Литература

- Банников В.Е., Геевская Е.А. (1982): Брем XX века. - Гржимек Б. Дикое животное и человек. М.: Мысль. 1-13.
- Борейко В.Е. (2001): Прорыв в экологическую этику. 2-е изд. К.: КЭКЦ. 1-197.
- Борейко В.Е. (2003): Прорыв в экологическую этику. 3-е изд. К.: КЭКЦ. 1-219.
- Борейко В.Е. (2004а): Этические издержки Красной книги. - Гуман. экол. ж. 6 (спецвып.): 135-136.
- Борейко В.Е. (2004б): Экобиоцентризм как основание экологической этики. - Гуман. экол. ж. 6 (2):
- Горке М. (2002): Вымирание видов и этика. Пределы антропоцентрической перспективы. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 101-108.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): Экологическая этика и заповедное дело. - Заповідна справа в Україні. 7 (1): 1-8.
- Грищенко В.Н. (2001в): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Грищенко В.Н. (2001г): Восточные религии и охрана животного мира. - Беркут. 11 (1): 125-138.
- Грищенко В. (2002а): О научных исследованиях в заповедниках. - Заповедный вестник. 4: 4-5.
- Грищенко В.Н. (2002б): Познание и любовь к природе. - Гуман. экол. ж. 4 (спецвып.): 79-88.
- Грищенко В.Н. (2002в): Есть ли альтернатива? - Гуман. экол. ж. 4 (1): 45-57.
- Грищенко В.Н. (2002г): Вегетарианство как природоохранная концепция. - Гуман. экол. ж. 4 (1): 95-100.
- Грищенко В.Н. (2002д): Под знаменем очередной революции. - Гуман. экол. ж. 4 (2): 110-115.
- Грищенко В.Н. (2004): О Красной книге, этике и логике. - Гуман. экол. ж. 6 (спецвып.): 136-141.
- Калликотт Б. (1990): Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика. - Глобальные проблемы и общечеловеч. ценности. М.: Прогресс. 308-327.
- Калликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Лоренц К. (1998): Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. - Обратная сторона зеркала. М.: Республика. 4-60.
- Наэсс А., Сессинс Дж. (2000): Платформа глубинной экологии. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 56.
- Риган Т. (2004): В защиту прав животных. - Риган Т. В защиту прав животных. Линзи Э. Божественные права животных. К.: КЭКЦ. 7-57.
- Ролстон Ш Х. (1999): Наши обязанности по отношению к видам, находящимся под угрозой. - Гуман. экол. ж. 1 (2): 46-49.
- Самарцев В.В., Рассветалов Л.А., Куркин М.И. (2002): Задержка света в пути и другие необычные явления в оптике. - Природа. 5: 63-71.
- Сингер П. (2002): Освобождение животных. Киев: КЭКЦ. 1-128.
- Cairns J. (2002): A declaration of eco-ethics. - Ethics in Science and Envir. Politics. 79-81.
- Gorke M. (1998): Artensterben und Ethik. Die Grenzen der anthropozentrischen Perspektive. - Anzeiger des Vereins Thüringer Ornithologen. 3 (2): 93-102.